

Либерально-демократические ценности / Journal of liberal democratic values <https://liberal-journal.ru>

2020, №1, Том 4 / 2020, No 1, Vol 4 <https://liberal-journal.ru/issue-1-2020.html>

URL статьи: <https://liberal-journal.ru/PDF/01UNLD120.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Акиева П.Х. Право народа на самоопределение в России: проблемы теории и реальности // Либерально-демократические ценности, 2020 №1, <https://liberal-journal.ru/PDF/01UNLD120.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Akieva P.H. (2020). People's right to self-determination in Russia: problems of theory and reality. *Journal of liberal democratic values*, [online] 1(4). Available at: <https://liberal-journal.ru/PDF/01UNLD120.pdf> (in Russian)

УДК 34

Акиева Петимат Хасолтовна

ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч. Ахриева», Магас, Россия
Ведущий научный сотрудник
Доктор исторических наук
E-mail: petim@yandex.ru

Право народа на самоопределение в России: проблемы теории и реальности

Аннотация. В статье проводится анализ права народа на самоопределение, являющегося важнейшим принципом международного публичного права, а также лежащего в основе конституционного федерализма России. Автор иллюстрирует доктринальную неоднозначность его трактовок, возникших в связи с признанным международным правом и Уставом ООН принципом единства и территориальной целостности государства. Проблема имеет не столько теоретический, сколько практический характер, так как касается решений руководителей государства, определяющих общий вектор национальной политики. Особенную значимость она приобретает в свете учета мнения народов, подвергшихся геноциду в советское время. Авторское мнение связано с признанием отсутствия доктринального противоречия между данными принципами, так как право народа на самоопределение реализуется в рамках многонационального государства (внутренне самоопределение), в то время как принцип территориальной целостности относится к категории межгосударственных отношений. В то же время реализация права народа на самоопределение несет реальную угрозу целостности того государства, которое не склонно уважать право народов определять свою судьбу. Для эффективной федерализации субъектных отношений автор доказывает необходимость признания федеральной властью права народа на историческую территорию и ее целостность. Взяв за основу один из субъектов РФ – Республику Ингушетия автор приводит целый ряд нормативно-правовых актов иллюстрирующих игнорирование права народа участвовать в принятии судьбоносных для него решений, нежелание закононо урегулировать территориальные вопросы, порожденные историческими преступлениями советской власти, а также сознательное конструирование новых конфликтогенных зон в настоящем.

Ключевые слова: принцип права народа на самоопределение; принцип единства и территориальной целостности государства; международное публичное право; основа конституционного федерализма России; отсутствие доктринального противоречия; учет мнения народов; подвергшихся геноциду в советское время; эффективная федерализация; признание права народа на историческую территорию

Пожалуй, наиболее спорной и, соответственно, актуальной в настоящее время остается проблема реализации права народа на самоопределение в контексте территориальной целостности государства. Существуют различия, как в практическом осуществлении принципа права наций и народов на самоопределение в многонациональных государствах, имеющих федеративное устройство, так и в его доктринальном, содержательном толковании.

В советское время этот принцип существовал как марксистско-ленинское наследие в редуцированном, декларативном виде. И хотя его активное использование демократическими силами во внутривнутриполитической борьбе во многом способствовало развалу СССР, после их прихода к власти в 1992 году встала задача найти конструкцию, позволяющую обойти право народов на самоопределение, либо полностью от него отказаться.

Последнее было невозможно ввиду того, что право наций и народов на самоопределение является важнейшим принципом международного публичного права. Оформившийся в современном международном праве после Первой Мировой войны принцип самоопределения наций и народов был закреплен во второй половине XX века в Уставе ООН, Пактах о правах человека 1966 г., в Декларации о принципах международного права 1970 г., в Заключительном акте СБСЕ 1975 г. и др.

Сегодня российская действительность демонстрирует декларативность принципа права наций на самоопределение. Нельзя отрицать, что, в частности, республики (организованные, как и в советское время, по территориально-национальному признаку), как субъекты федерации, представлены в федеральных органах, что они имеют свои органы исполнительной, судебной и законодательной власти. Однако принцип формирования местных органов, назначений на часть ключевых позиций в правоохранительных и надзирающих органах власти, а также руководителей республик обнуляет главное условие самоопределения – необходимость учета позиции народа при принятии решений относительно его будущего.

В качестве яркого тому примера является Закон Республики Ингушетия «Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой» от 4 октября 2018 года №42-РЗ (Соглашение об установлении границы между РИ и ЧР от 26 сентября 2018 года). Несмотря на то, что этот закон был принят с нарушением порядка, в течение одной рабочей недели оформлен и проведен через Парламент РИ, оспорен в КС РИ и признан противоречащим статьям Конституции РИ, административная государственная машина официально ввела его в корпус правовых документов. Запрос на предмет соответствия данного закона конституционным нормам РФ был сделан Главой РИ Ю.Б. Б-Г. Евкуровым, в то время имеющим самый низкий рейтинг популярности среди местного населения.¹ Конституционный суд РФ отметил отсутствие необходимости в проведении референдума по вопросу определения границы между республиками в связи с тем, что их попросту не было.²

Действительно, республика была создана без установления четких границ. Однако, в Законе об образовании Республики Ингушетия, подписанном Б. Ельциным 4 июня 1992 года, утверждалась необходимость проведения до 1994 года государственно-территориального разграничения согласно механизму, разработанному государственной комиссией в контексте

¹ К примеру, в пользу смены Главы Ингушетии высказались 62 % жителей, против – 22 % // URL: <http://rbc.ru/politics/13/05/2019/5cd833c69a79473d96e31d96>.

² Конституционный суд России признал законным соглашение о границе Чечни и Ингушетии // URL: <http://nv.ua/world/countries/konstitutsionnyj-sud-rossii...> (Дата обращения 31.01.2020).

реализации Закона о реабилитации.³ Для определения границ между Чечней и Ингушетией в 1995 году была создана специальная комиссия,⁴ предложения которой так и не были применены. Вопрос о том, как долго власти могут проводить в жизнь федеральные законы, достаточно нагляден. Вновь уже летом-осенью 2012 года, были созданы региональные комиссии по вопросу определения границ между субъектами.⁵ Возможно, результатом «согласованных» действий можно назвать закон, подписанный главой Чечни Р. Кадыровым, в соответствии с которым под юрисдикцию ЧР были включены ряд населенных пунктов Сунженского района Ингушетии и имевшие место провокационные действия на спорной территории.⁶

Остается загадкой, как новые региональные законы и постановления Правительства РФ могут приниматься в нарушение Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», являющегося одним из основных в корпусе правовых актов, восстанавливающих поправленные антиконституционными преступлениями сталинского режима, права репрессированных народов. Ст. 53 Конституции РФ предоставляет своим гражданам право на реабилитацию. Прописанная в ней ответственность государства за вред, причиненный незаконными действиями, или бездействием органов государственной власти, или их должностными лицами, вошла в российское законодательство из международно-правовых актов,⁷ к которым Россия присоединилась.

Стоит особо выделить тот факт, что в Конституции РФ нет правовых норм, определяющих порядок, процедуру первичного установления границ [18], как и, собственно, нет тождества в терминологии: республики обозначены как государства, как государственно-территориальные единицы, а границы их считаются «административными».⁸ Уже на этом основании становится возможным подвергнуть сомнению конституционность Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой 2018 г.

«Положение ч. 3 ст. 67 Конституции РФ многие специалисты расценивают как не вполне удачно сформулированное выражение общего принципа, заключающегося в запрещении осуществлять изменения территории любого субъекта РФ без его на то согласия» [3; 8; 18]. Логичным было бы для определения такого согласия использовать процедуру референдума,⁹ либо расширить необходимость учета мнения местного населения, применяемого в отношении

³ См.: ст. 2 Закона Российской Федерации от 4 июня 1992 г. N 2927-1 «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации» // Ведомости РФ. 1992. N 24. Ст. 1307.

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 1995 г. «О Государственной комиссии по определению границ между Ингушской Республикой и Чеченской Республикой в связи с образованием этих республик» // СЗ РФ. 1996. N 2. Ст. 112. Постановление Правительства РФ о создании специальной комиссии по данному вопросу утратило силу в 2006 году.

⁵ Государственная комиссия по согласованию административной границы между Чеченской Республикой и Республикой Ингушетия была создана распоряжением Главы Чеченской Республики за №104-рг от 03.09.2012 г. и Распоряжением Правительства Республики Ингушетия от 19.01.2009 г. № 327-р; См.: Работа комиссии по определению границы между Ингушетией и Чечней на контроле Главы региона // URL: <http://pravitelstvori.ru> 28.09.2012 (Дата обращения 31.01.2020).

⁶ Совбез Ингушетии: в Аршты вошли около трехсот сотрудников МВД Чечни, шестеро сотрудников полиции Ингушетии получили травмы // URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/223084/> (Дата обращения 30.01.2020).

⁷ Международный пакт о гражданских и политических правах Ст. 9; Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод ст. 5. // URL: <http://www.un.org> (Дата обращения 31.01.2020).

⁸ Мотивировочная часть определения Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2001 г. № 250-О п. 3.4 // URL: http://ru.wikisource.org/...Определение_Конституционного...О (Дата обращения 31.01.2020).

⁹ Согласно ст. 1 и ч. 3. ст. 3. Конституции РФ.

изменения границ территорий с местным самоуправлением¹⁰, до республиканского уровня. Однако был выбран иной путь: федеральный законодатель уполномочил высших должностных лиц и законодательные органы власти достигнуть согласия, тем самым «вышел за пределы своей компетенции, по сути, присвоив себе функции Конституционного Суда РФ по официальному разъяснению неопределенностей, обнаруживаемых в тексте Конституции РФ» [18]. Правоведы предполагают, что «нечеткость формулировки ч. 3 ст. 67 действующей Конституции» является не случайной, что «само названное положение является завуалированным основанием для потенциального реформирования территориального устройства без учета мнения заинтересованных субъектов РФ» [18].

В русле этого предположения лежит, как нереализация Закона о реабилитации, так и игнорирование имеющихся договоренностей по этому вопросу, как, например, протокола от 10 марта 2003 г., подписанного А. Кадыровым и М. Зязиковым, согласно которому Сунженский район был поделен (два населенных пункта отходили Чечне, остальные оставались под юрисдикцией Ингушетии). Или то обстоятельство, что выводы региональных комиссий 2009–2012 гг. были отправлены в Москву, как было объявлено ингушским руководителем, для принятия федеральным центром решения по определению границы.¹¹

Обнародование Закона об установлении границы от 4 октября 2018 года вызвало массовые волнения и протесты ингушского народа, что, несомненно, иллюстрировало властям нежелание передавать часть своей территории Чеченской Республике. Однако, официально в КС РФ были заслушаны мнения двух граждан из ингушских тейпов (чьи предки являлись выходцами из поселений переданной ЧР территории), которые сегодня заявляют о самостоятельности в вопросе определения принадлежности своей родовой земли. Указания на то, что границы между субъектами могут быть изменены с их взаимного согласия (ч. 3 ст. 67 Конституции РФ), что вопросы административно-территориального устройства республики должны решаться «с учетом мнения населения соответствующей территории» (ст. 111 КС РФ), были проигнорированы. Таким образом, была создана видимость правового решения конфликта, в котором право ингушского народа определять свое будущее было ограничено.

Отметим еще один документ, подписанный в 2009 году Ю.Б. Б.Г. Евкуровым и принятый Парламентом РФ – закон об установлении границ муниципальных образований,¹² в котором не значится Пригородный район. Таким образом, де-юре республиканские власти зафиксировали отказ от претензий на эту территорию. Закон был одобрен республиканскими парламентариями, несмотря на его явное противоречие ст. 11 Конституции Республики Ингушетия, которая указывает как на «важнейшую задачу государства» – «возвращение политическими средствами незаконно отторгнутой у Ингушетии территории и сохранение территориальной целостности Республики Ингушетия».¹³

Документ не вызвал отрицательной реакции населения, думается, в силу незнания, неподготовленности к юридическим способам обойти проблемные зоны. Закавыка здесь состоит в многострадальном Законе о реабилитации репрессированных народов, принятом Верховным Советом РСФСР, в котором подчеркивается необходимость территориальной

¹⁰ Согласно ч. 2. ст. 131 Конституции РФ.

¹¹ Евкуров: комиссии по определению границы между Чечней и Ингушетией отправили свои выводы в Москву // URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/215706/> (Дата обращений 31.01.2020).

¹² Закон Республики Ингушетия от 23 февраля 2009 года N 5-ПЗ «Об установлении границ муниципальных образований Республики Ингушетия и наделении их статусом сельского, городского поселения, муниципального района и городского округа».

¹³ Конституция Республики Ингушетия. Ст. 11.

реабилитации и восстановления национально-территориальных границ, существовавших до антиконституционного насильственного изменения.¹⁴

Принятие Закона о реабилитации диктовало время демократических перемен: отмежеваться от советского наследия – депортации – одного из самых чудовищных государственных актов, нарушающих права целых народов, а также давало возможность заработать политические бонусы и продемонстрировать западным странам стремление перейти в категорию «правовых» государств на международном уровне.

В следующем году будет 30-летие принятия этого документа, а также 30-летие его нереализации в части возвращения незаконно отторгнутой земли ингушскому народу. Только обещание возврата Пригородного района ингушам, данное Б. Ельциным во время выступления в ходе предвыборной президентской кампании летом 1991 г. в г. Назрань, привело к массовому (79,8 %) голосованию за него местного населения во втором туре [9]. Этой же верой в данное политическим лидером слово, т. е. обещание привести в действие Закон о реабилитации в отношении ингушского народа, объясняется аналогичное массовое участие и голосование последних на референдуме ноября 1991 г. в пользу образования Ингушской Республики в составе России.¹⁵ Определение Ингушетией своего будущего в составе Федерации, напомним, происходило на фоне объявленного Д. Дудаевым 1 ноября 1991 года государственного суверенитета Чеченской Республики. Самостоятельность республики была определена путем прямого и всеобщего волеизъявления граждан¹⁶ на основе Декларации о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г. и, соответственно, Декларации о государственном суверенитете Чеченской Республики от 27 ноября 1990 г.¹⁷

Став Президентом РСФСР 12 июня 1991 года, Ельцин последовательно замораживает реализацию Закона о реабилитации, устанавливая и продлевая «переходные периоды».¹⁸ В итоге им подписывается практически невыполнимый Указ, в котором реабилитацию предлагается осуществить, не нарушая права и свободы тех граждан, кто живет на территории репрессированных народов. Во главе исполнительной власти, уже демократической России, Ельцин продемонстрировал «пренебрежение принципам демократии и правового государства, а также приверженность к односторонним силовым действиям...». К числу таковых, в частности, относятся «...попытка смены руководства Чечено-Ингушской АССР в ноябре 1991 г., силовое подавление ингушской стороны в осетино-ингушском конфликте в октябре–ноябре 1992 г.» [7] и чеченская война 1994–1996 гг. Только игнорирование территориальной реабилитации (не говоря о социальном, психологическом восстановлении и финансовой

¹⁴ Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов». 26 апреля 1991 г., было обнародовано Постановление Верховного Совета РСФСР №1108-1 «О порядке введения в действие Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». 17 мая 1991 г., вышло Распоряжение Совета Министров РСФСР №468-р о мерах по реализации названного закона.

¹⁵ В голосовании приняло участие 97 % всех зарегистрированных избирателей, из которых 92,5 проголосовали за восстановление государственно-правового статуса Ингушетии в составе федерального российского государства.

¹⁶ Указ Президента Чеченской Республики «О государственном суверенитете Чеченской Республики» 1 ноября 1991 г. Грозный // URL: <http://chechenlaw.ru/?p=447> (Дата обращения 16.01.2020).

¹⁷ Как начиналась первая чеченская кампания (декабрь 1994) // URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/253789/> (Дата обращения 09.01.2020).

¹⁸ 3 июля 1992 г. – Закон №3198-1 «Об установлении переходного периода по государственно-территориальному разграничению в Российской Федерации». 17 апреля 1995 г. Ельцин Б.Н. продлевает переходный период до 1 сентября 1997 г. и 16 сентября 1995 г. подписывает Указ № 948 «О мерах по осуществлению территориальной реабилитации репрессированных народов».

компенсации) породило в 1992 году этническую чистку ингушей [17],¹⁹ проживавших в г. Владикавказ и Пригородном районе [6; 12; 13].²⁰

Таким образом, снова была создана видимость правового решения проблемы, в котором право ингушского народа на восстановление национально-территориальных границ, существовавших до антиконституционного насильственного изменения (депортации), было проигнорировано. Более того, были наглядно продемонстрированы методы и инструменты определения будущего народов, входящих в состав федерации.

Заметим, что Закон о реабилитации 1991 г., определяющий правовые рамки территориальной реабилитации и, соответственно, предполагающий принятие соответствующих правоприменительных решений по каждому депортированному народу, сработал в отношении российских финнов, казаков, калмыков (без двух районов), а 21 апреля 2014 года применительно к депортированным с Крымского полуострова народам.²¹ В то время, как проект Указа Президента РФ «О мерах по реабилитации ингушского народа и государственной поддержке его возрождения и развития», представленный в ГД еще в феврале 1995 года, был технически замылен бюрократической системой. Ингушам так и не вернули Пригородный район, немцам Поволжья отказали в восстановлении республики, карачаевцам – в воссоздании автономии, были проигнорированы интересы балкарцев в возврате административных границ муниципальных образований (двух районов и трех сел). Такие селективные действия федеральной власти вымывают один из фундаментальных принципов в системе современного международного права, а также конституционного федерализма многонациональной России – равноправие народов. «Равное положение всех народов», их «полное юридическое равенство» независимо от того, «являются ли народы “субъектообразующими” или нет» [1]. В итоге территориальная реабилитация была отдана на откуп местным республиканским властям, спущена до уровня региональной программы «совместных действий органов государственной власти Российской Федерации, Республики Северная Осетия – Алания и Республики Ингушетия по преодолению последствий осетино-ингушского конфликта октября-ноября 1992 года».

Желание Северной Осетии вернуть чужую землю известно. В свое время первый секретарь Северо-Осетинского обкома КПСС В.М. Агкацев убеждал членов Государственной комиссии Президиума ЦК КПСС оставить Пригородный район в составе Северной Осетии, исходя из желания создать в нем «очаг дружбы и братства между ингушским и осетинским народами», в отличие от руководителей других республик – Дагестана и Грузии, которые вернули земли в состав Чечено-Ингушетии. Законсервированный политическим решением 1956 г. в пользу Северной Осетии вопрос территориальной реабилитации ингушей получил новое звучание лишь в начале 1990-х и снова не был решен. Политическое бессилие власти, некомпетентность решений, вкупе с активным североосетинским лоббированием, привели к

¹⁹ С. Хантингтон назвал эти события первой операцией по этнической чистке в Российской Федерации.

²⁰ Во время событий 1992 года с молчаливого согласия официальных представителей федеральной власти происходил геноцид по этническому признаку местного населения указанных территорий – ингушей. До настоящего времени в числе без вести пропавших официально значатся 198 человек и 400 погибших. Этнической чистке подверглись до 65000 человек. Факты преступлений того времени представлены в экспозиции Мемориального комплекса жертв репрессий.

²¹ Указ Президента РФ от 21 апреля 2014 г. N 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, итальянского, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» // URL: <https://base.garant.ru/70641266/> (Дата обращения 01.02.2020).

военным действиям, начавшимся в ночь на 31 октября 1992 года с обстрелов ингушских кварталов селений Октябрьское и Камбилеевка Пригородного района.²²

Возможно, результатом создания «очага дружбы» надо считать и запрос Парламента РСО-Алании в апреле 2005 г. на предмет соответствия конституционным нормам ст. 3 и ст. 6 закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» в КС РФ. Конституционный суд в своем определении пояснил, что границы субъектов можно изменить, но при условии их взаимного согласия, определенного либо населением субъекта путем референдума, либо «законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации, или полученном в результате сочетания обоих способов».²³ В то время как ст.6 Закона четко оговаривает осуществление территориальной реабилитации на основе волеизъявления репрессированных народов, а ст. 356 УК РФ определяет депортацию гражданского населения, как одно из средств и методов ведения войны. На международном уровне такое уголовное преступление, как «депортация или насильственное переселение граждан», квалифицируется как преступление против человечности, не имеющее срока давности.²⁴

В результате не была разрешена коллизия между правовыми актами и вопрос по территориальной реабилитации ингушского народа был сведен на республиканский уровень «согласия» парламентов Северной Осетии и Ингушетии. Если желание первого априори известно, то второй, «избираемый» по партийным спискам с одобрения бывшего Главы Республики, уже давно потерял народное доверие.

Вполне очевидно, что нерешенность этой проблемы в течение долгих лет лежит в русле намеренного желания правящей номенклатуры окончательно затянуть территориальную реабилитацию, затрагивающую основное право народа – участвовать в решении судьбоносных для себя вопросов.

Самоопределение народа (или этноса, понимаемого, как исторически сложившаяся устойчивая общность людей, сформировавшаяся на основе общего языка, религии, культуры, менталитета, экономической жизни и территории) в рамках состоявшихся суверенных государств потенциально несет угрозу прогрессирования конфликтов, так как теперь затрагивает интересы другого народа, на что недвусмысленно указывается в Постановлении КС РФ. Однако, в случае, когда государством уже принят закон о территориальной реабилитации репрессированных народов, когда народ активно высказывается против принимаемых и утверждаемых республиканскими органами исполнительной и законодательной власти нормативно-правовых актов, нарушающих этот закон, когда согласие субъектов, на которое ссылается КС РФ, потенциально невозможно – власть должна слышать своих граждан, государство не должно быть глухо к их мнению, если оно позиционирует себя правовым. К

²² Несмотря на то, что официально признано, конфликт начался утром 31 октября 1992 года согласно документам Генпрокуратуры РФ в ночь военные действия начались с обстрела ингушских домовладений Пригородного района // Справка Генпрокуратуры РФ об обстоятельствах возникновения осетино-ингушского вооруженного конфликта, его развития и роли в нем федеральных органов власти и управления // URL: <http://old.memo.ru/d/23201.html> (Дата обращения 04.01.2020).

²³ Определение Конституционного суда РФ от 01.12.2005 п 365-о «По запросу Парламента Республики Северная Осетия – Алания о проверке соответствия конституции российской федерации положений статей 3 и 6 закона РСФСР “О реабилитации репрессированных народов”» // URL: <http://zakonbase.ru/content/base/86543?print=1> (Дата обращения 16.01.2020).

²⁴ Римский статут Международного уголовного суда. подп. «D». п. 1. ст. 7. и ст. 29 // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901750575> (Дата обращения 01.02.2020).

сожалению, этого не происходит. Вопрос о реабилитации не только не исполняется,²⁵ наоборот, к нему добавляются новые территориальные проблемы, связанные с определением границ субъектов, не посредством референдума, а через региональную номенклатуру, мотивация которой сравнима с интересами колониальной администрации.

Опасения власти в отношении принципа самоопределения народов, потенциально несущего угрозу целостности государства, его территориальной целостности, снимаются, если рассматривать его как внутреннее самоопределение, как процессуальное право учета позиции народа относительно важных вопросов его дальнейшего развития. При этом мнение должно учитываться через прямое народное волеизъявление – референдум, а не через его техническую замену в виде представительных (законодательных) органов власти.

Распространенное мнение о противоречии принципов самоопределения народов и территориальной целостности уже существующих государств деколонизационного мира связано с отсутствием четких и до конца оформленных критериев признания или непризнания нового государства мировым сообществом, а имеющаяся «система де-факто не может гарантировать ни национальной целостности государств, ни права наций на самоопределение» [14]. В науке международного права подходы к соотношению принципов самоопределения народов и территориальной целостности государства предпочтение отдается либо одному из них [4], либо оба наделяются равной силой [16]. Доктринальная проблема состоит в отсутствии детализации по условиям и порядку реализации принципа самоопределения [10]. В содержательном плане самоопределение включает в себя право народов свободно устанавливать свой политический статус, вести экономическое, социальное, культурное развитие при соблюдении и уважении любым государством такого права.²⁶ При этом, самоопределение не должно пониматься, как санкция на нарушение территориальной целостности в случае соблюдения принципа равноправия народов, проживающих на территории государства, интересы которых представлены в правительстве без расовой и конфессиональной дискриминации.²⁷ Международное право допускает самоопределение вплоть до отделения только в исключительных случаях захвата власти, государственного переворота, дискриминации, а также в случае действий, при которых мнение населения не было учтено, т.е. в случае невозможности проживания вместе с материнским государством [2].

Таким образом, если принцип уважения территориальной целостности государства, относящийся к сфере международного права,²⁸ предполагает защиту государства от внешних посягательств, то самоопределение, которое сегодня необходимо понимать как внутреннее, в рамках границ существующих государств,²⁹ должно основываться на учете мнения народа по главным вопросам, определяющим его будущее, через прямое волеизъявление. Только

²⁵ Не исполняется не только в части территориальной реабилитации, но в отношении восстановлении прежних топонимических названий. Экономическая реабилитация, осуществленная в кризисные 90-е годы, составила 8900 руб. на семью, суммы явно несоразмерной утраченному жилью и хозяйству, а также обесцененной в результате экономического кризиса и бешеной инфляции (1991 г. – 160,4 %; 1992 г. – 2508,84 %; 1993 г. – 839,9 %).

²⁶ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами. Ст. 2 // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (Дата обращения 30.01.2020).

²⁷ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами Ст. 6. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (Дата обращения 30.01.2020).

²⁸ Устав ООН Гл. 1. Ст. 2 п.4 // URL: <http://www.un.org> (Дата обращения 19.01.2020).

²⁹ Self-Determination and Secession in Constitutional Law. Report adopted by the Commission at its 41th meeting (Venice, 10–11 December 1999) Venice, 1999 P. 13.

возможность сознательного свободного выбора является главным условием демократического государства.

Поэтому проблема урегулирования границ между субъектами, отягощенная геноцидом ингушского народа советского времени³⁰ и репрессиями по национальному признаку в г. Владикавказ и Пригородном районе в демократической России, должна решаться согласно Закону о реабилитации, а установление новых – посредством референдума среди населения соответствующих территорий. Такие действия можно было бы квалифицировать, как соответствующие принципу равноправия народов, входящих в состав РФ. Установление границ должно учитывать «фактически сложившееся землепользование, культурные связи, исторические особенности, промышленное производство и социальную инфраструктуру... и чтобы линии границы проходили с учетом мнения местного населения» [15].

Пренебрежение мнением народа, игнорирование права участвовать в принятии судьбоносных для него решений, нежелание законно урегулировать территориальные вопросы, порожденные преступлениями власти в прошлом, а также сознательное конструирование новых конфликтных зон через марионеточное региональное руководство только усугубляет ситуацию. По сути, фундаментальное понятие демократического государства «референдум», в том числе по вопросам регионального или местного значения, был заменен соглашением между региональной номенклатурой и утверждением законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов РФ, а затем подкреплен постановлением КС РФ. Была создана видимость решения конфликта: прямое волеизъявление народа – референдум – был заменен на опосредованное, через органы власти, являющимися, по сути, инструментами государственного управления,³¹ но никак не выразителями его интересов.

В результате можно говорить об избирательности и относительности принятия в российском праве возможности учета позиции народа, его внутреннего самоопределения. Точно также, впрочем, можно сказать о реалиях самоопределения народов на международном уровне. Российские правоведы указывают на имеющийся конфликт принципов международного права – самоопределения народов и территориальной целостности государства, который порождает избирательность в этом вопросе на международном уровне, «признавая правомерность борьбы за одними народами (например, Косово)» и «считая ее противоправной у других (например, Абхазия или Приднестровье)» [11]. При этом российские международники подчиняют реализацию права народа на самоопределение в зависимости от воли и желания государства, делая акцент на уже использованном народами России праве определить свою судьбу [11].

Таким образом, практика показывает прямую зависимость реализации права народа на самоопределение (как внутреннего так и внешнего) от политической воли демократического государства/государств, его силы и авторитета на международном уровне, от понимания необратимости и неизбежности разрешения исторически сложившихся территориальных споров. Ограничивать абсолютность права народа на самоопределение, значит подвергать

³⁰ Депортация признана парламентом актом геноцида // См. Преамбула и ст. 2 Закона РСФСР от 26 апреля 1991 года № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов».

³¹ Согласно ст. 5 Федерального закона от 6.10.1999 №184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» законодательный (представительный) орган государственной власти полномочен назначать референдум субъекта, в случаях предусмотренных законом субъекта (п. 3 пп. «г»), устанавливать порядок назначения и проведения референдума (п. 2 пп. «и») и утверждать соглашение об изменении границ субъектов (п. 3 пп. «е»).

сомнению главный тезис о производности государства и государственной власти от волеизъявления народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авакьян С.А. Конституционное право России // Учебный курс. В 2 т. Т.2. [Текст] – М.: Юрист, 2005. С. 96, 147.
2. Афоничкина Н.В. Принцип равноправия и самоопределения народов и проблема признания новых государственных образований: теоретические подходы к анализу проблемы // Творческое наследие Казанских юридических школ и современные тенденции развития юридической науки / под ред. И.А. Тарханова. [Текст] – Казань: Изд-во Казан. ун-та. 2016. С. 262.
3. Безруков А.В. Особенности конституционно-правового статуса субъектов Российской Федерации // Учебное пособие. М-во внутр. дел Рос. Федерации, Сиб. юрид. ин-т. [Текст] – Красноярск: СибЮИ, 2005. С. 63.
4. Буханова А.С. Коллизия принципов самоопределения народов, территориальной целостности государств // Право и управление. 2011 г. № 4. С. 68.
5. Зангиев М. Еще раз к вопросу конституционного развития Республики Ингушетия // URL: <http://gazetaingush.ru/Общество/...-respubliki-ingushetiya> (Дата обращения: 04.02.2020).
6. Евлоев М. Жертв «осетино-ингушского конфликта» 1992 года вспоминают в Ингушетии // Интернет-газета «Ингушетия» / URL: <http://gazetaingush.ru/Новости/...1992-goda-vspominayut-v...> (Дата обращения 14.01.2020).
7. Илларионов А. Как Борис Ельцин создал институт преемничества // URL: <http://echo.msk.ru/Блоги/АндрейИлларионов/2437211-echo> (Дата обращения: 15.01.2020).
8. Киселева А.В., Нестеренко А.В. Теория федерализма // [Текст] – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. С. 136.
9. Корченкова Н. Голосовали, а то проиграли бы. Где и почему поддержали Бориса Ельцина в 1996-м. // Интернет-газета «Коммерсантъ» №106 от 17.06.2016, стр. 8 // URL: <http://kommersant.ru/doc/3013608> (Дата обращения 14.01.2020).
10. Карташкин В.А. Изменение нормативного содержания основных принципов современного международного права // Московский журнал международного права. 2015 г. № 1. С. 34.
11. Международное право // Учебник / Отв. ред. В.И. Кузнецов, Б.Р. Тузмухамедов. 2-е изд. [Текст] – М.: НОРМА, 2007. С. 216.
12. Сампиев И.М. Репрессированные народы: состояние реабилитации // Кавказский эксперт. Журнал для депутатов Государственной Думы Российской Федерации. №4. 2006.
13. Сампиев И.М. Состояние реабилитации репрессированных народов: общесистемные условия и механизмы // Сборник научных трудов ИнГУ. № 6. 2008.

14. Хабриева Т.Я. Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование // [Текст] – М.: Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве Рос. Федерации, 2010. С. 34.
15. Хабриева Т.Я. Доклад на Круглом столе от 26 июня 2001 г. в Институте государства и права РАН «Границы между субъектами Российской Федерации и их изменение» // Государство и право. 2002. N 2. С. 109–110.
16. Хутаба Д.В. Взаимодействие и реализация международно-правовых принципов равноправия и самоопределения народов и территориальной целостности государств. Диссертация ... канд. юрид. наук // Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань. 2011. С. 171.
17. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // [Текст] – М.: ООО «Издательство АСТ» 2004. С. 257.
18. Чертков А.Н. Правовое регулирование установления и изменения границ субъектов Российской Федерации как пространственного предела их территорий // Российское право. №9 (153) 2009. С. 45–47.

Akieva Petimat Hasoltovna

Ingush research institute of humanities named after Ch. Ahriev, Magas, Russia
E-mail: petim@yandex.ru

People's right to self-determination in Russia: problems of theory and reality

Abstract. The article analyzes the people's right to self-determination, which is the most important principle of international public law, as well as the underlying constitutional federalism of Russia. The author illustrates the doctrinal ambiguity of his interpretations that arose in connection with the principle of the unity and territorial integrity of the state recognized by international law and the UN Charter. The problem is not so much theoretical as practical, as it concerns the decisions of state leaders that determine the general vector of national policy. It acquires special significance in the light of taking into account the opinions of the peoples subjected to genocide in Soviet times. The author's opinion is related to the recognition of the absence of a doctrinal contradiction between these principles, since the right of a people to self-determination is realized within the framework of a multinational state (internal self-determination), while the principle of territorial integrity belongs to the category of interstate relations. At the same time, the realization of the people's right to self-determination poses a real threat to the integrity of that state, which is not inclined to respect the right of peoples to determine their destiny. For effective federalization of subjective relations, the author proves the need for the federal government to recognize the people's right to historical territory and its integrity. Taking as a basis one of the constituent entities of the Russian Federation – the Republic of Ingushetia, the author cites a number of regulatory acts illustrating the ignoring of the right of the people to take part in decisions that are crucial for him, the unwillingness to legally resolve territorial issues generated by the historical crimes of the Soviet government, as well as the conscious construction of new conflict zones in present.

Keywords: principle of the right of people to self-determination; the principle of unity and territorial integrity of the state; international public law; the basis of constitutional federalism in Russia; lack of doctrinal contradiction; taking into account the opinions of peoples; subjected to genocide in Soviet times; effective federalization; recognition of the right of the people to historical territory

REFERENCES

1. Avak'yan S.A. Konstitutsionnoe pravo Rossii // Uchebnyy kurs. V 2 t. T.2. [Tekst] – M.: Yurist, 2005. S. 96, 147.
2. Afonichkina N.V. Printsip ravnopraviya i samoopredeleniya narodov i problema priznaniya novykh gosudarstvennykh obrazovaniy: teoreticheskie podkhody k analizu problemy // Tvorcheskoe nasledie Kazanskikh yuridicheskikh shkol i sovremennye tendentsii razvitiya yuridicheskoy nauki / pod red. I.A. Tarkhanova. [Tekst] – Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta. 2016. S. 262.
3. Bezrukov A.V. Osobennosti konstitutsionno-pravovogo statusa sub"ektov Rossiyskoy Federatsii // Uchebnoe posobie. M-vo vnutr. del Ros. Federatsii, Sib. yurid. in-t. [Tekst] – Krasnoyarsk: SibYuI, 2005. S. 63.
4. Bukhanova A.S. Kolliziya printsipov samoopredeleniya narodov, territorial'noy tselostnosti gosudarstv // Pravo i upravlenie. 2011 g. № 4. S. 68.

5. Zangiev M. Eshche raz k voprosu konstitutsionnogo razvitiya Respubliki Ingushetiya // URL: <http://gazetaingush.ru/Obshchestvo/...-respubliki-ingushetiya> (Data obrashcheniya: 04.02.2020).
6. Evloev M. Zhertv «osetino-ingushskogo konflikta» 1992 goda vspominayut v Ingushetii // Internet-gazeta «Ingushetiya» / URL: <http://gazetaingush.ru/Novosti/...1992-goda-vspominayut-v...> (Data obrashcheniya 14.01.2020).
7. Illarionov A. Kak Boris El'tsin sozdal institut preemnichestva // URL: <http://echo.msk.ru/Blogi/AndreyIllarionov/2437211-echo> (Data obrashcheniya: 15.01.2020).
8. Kiseleva A.V., Nesterenko A.V. Teoriya federalizma // [Tekst] – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2002. S. 136.
9. Korchenkova N. Golosovali, a to proigrali by. Gde i pochemu podderzhali Borisa El'tsina v 1996-m. // Internet-gazeta «Kommersant'» №106 ot 17.06.2016, str. 8 // URL: <http://kommersant.ru/doc/3013608> (Data obrashcheniya 14.01.2020).
10. Kartashkin V.A. Izmenenie normativnogo sodержaniya osnovnykh printsirov sovremennogo mezhdunarodnogo prava // Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2015 g. № 1. S. 34.
11. Mezhdunarodnoe pravo // Uchebnik / Otv. red. V.I. Kuznetsov, B.R. Tuzmukhamedov. 2-e izd. [Tekst] – M.: NORMA, 2007. S. 216.
12. Sampiev I.M. Repressirovannye narody: sostoyanie reabilitatsii // Kavkazskiy ehkspert. Zhurnal dlya deputatov Gosudarstvennoy Dumy Rossiyskoy Federatsii. №4. 2006.
13. Sampiev I.M. Sostoyanie reabilitatsii repressirovannykh narodov: obshchesistemnye usloviya i mekhanizmy // Sbornik nauchnykh trudov IngGU. № 6. 2008.
14. Khabrieva T.Ya. Sovremennye problemy samoopredeleniya ehtnosov: sravnitel'no-pravovoe issledovanie // [Tekst] – M.: In-t zakonodatel'stva i sravn. pravovedeniya pri Pravitel'stve Ros. Federatsii, 2010. S. 34.
15. Khabrieva T.Ya. Doklad na Kruglom stole ot 26 iyunya 2001 g. v Institute gosudarstva i prava RAN «Granitsy mezhdub sub"ektami Rossiyskoy Federatsii i ikh izmenenie» // Gosudarstvo i pravo. 2002. N 2. S. 109–110.
16. Khutaba D.V. Vzaimodeystvie i realizatsiya mezhdunarodno-pravovykh printsirov ravnopraviya i samoopredeleniya narodov i territorial'noy tselostnosti gosudarstv. Dissertatsiya ... kand. yurid. nauk // Kazanskiy (Privolzhskiy) federal'nyy universitet. Kazan'. 2011. S. 171.
17. Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsiy // [Tekst] – M.: OOO «Izdatel'stvo AST» 2004. S. 257.
18. Chertkov A.N. Pravovoe regulirovanie ustanovleniya i izmeneniya granits sub"ektov Rossiyskoy Federatsii kak prostranstvennogo predela ikh territoriy // Rossiyskoe pravo. №9 (153) 2009. S. 45–47.